

Soviet markets – historical predecessor of the modern «ethnic markets»?

DOI: 10.31551/2410-2725-2018-4-4-536-544

Dyatlov Victor Inokentyevich

Doctor of History, professor of the Department of World History and International Relations of Irkutsk State University. The Russian Federation, 664025 Irkutsk Chkalov str. 2. E-mail: vikdyatlov@yandex.ru

Abstract. The problem of studying of the "ethnic" markets under the open sky of a Post-Soviet era provides need to track their genesis, to reveal and describe historical predecessors. During the Soviet era – it is legal collective-farm markets and the open ware markets ("flea markets") and also the spontaneous, but permanent book fairs, markets organized by black marketeers. Extremely poor historiography of a problem allows to allocate three main models of the Soviet markets: spontaneous mass markets of emergency situations ("sukharevka"), markets of an era of the legal market relations (New Economic Policy times), markets of a stable Soviet era. The prototypes of "the ethnic markets" which arose in the Far East during late imperial era ("manzovsky markets") were destroyed after the Great crisis.

Keywords: market; «ethnic markets»; collective-farm market; "sukharevka"; flea market; Soviet era.

Кеңестік базарлар – заманауи «этникалық нарықтардың» тарихи ізашары?**Дятлов Виктор Иннокентьевич**

тарих ғылымдарының докторы, Иркутск мемлекеттік университетінің дүниежүзілік тарих және халықаралық қатынастар кафедрасының профессоры. Ресей Федерациясы, 664025, Иркутск қ, Чкалов қ, 2. E-mail: vikdyatlov@yandex.ru

Аңдатпа. Посткеңестік дәуірдің ашық аспан астындағы «этникалық» нарықтарын зерттеудің міндеті – олардың генезисін қарастыру қажеттілігін, тарихи ізашарларын анықтау және сипаттауды көздейді. Кеңес дәуірінде – бұл жариялы колхоз базарлары және ашық киім-кешек нарықтары («барахолкалар»), сонымен қатар, стихиялық, бірақ үнемі жұмыс істейтін кітап базарлары, фарцовкамен шұғылданатын адамдардың ұйымдастырған базарлары. Тым мардымсыз мәселенің тарихнамасы кеңестік базарлардың үш негізгі моделін айыруға мүмкіндік береді. Бұл төтенше жағдайлардың стихиялық жаппай нарықтары («сухареvкалар»), жариялы нарықтық қатынастар дәуірінің базарлары (ЖЭС кезіндегі), кеңестік дәуірдің тұрақты нарықтары. Қиыр Шығыста кейінгі империялық дәуірде пайда болған («манзовтық нарықтар») «этникалық нарықтардың» прототиптері Ұлы бетбұрыстан кейін жойылды.

Түйін сөздер: базар; «этникалық нарық»; колхоз нарығы; «сухареvка»; барахолка; кеңестік дәуір.

Советские базары – исторический предшественник современных «этнических рынков»?**Дятлов Виктор Иннокентьевич**

профессор Иркутского государственного университета, профессор, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского Томского государственного университета. Российская Федерация, Иркутск, E-mail: vikdyatlov@yandex.ru

Аннотация. Задача изучения «этнических» рынков под открытым небом пост-советской эпохи предусматривает необходимость проследить их генезис, выявить и описать исторических предшественников. В советскую эпоху – это легальные колхозные базары и открытые вещевые рынки («барахолки»), а также стихийные, но постоянно действующие книжные базары, базары, организованные фарцовщиками. Крайне скудная историография проблемы позволяет выделить три основных модели советских базаров: стихийные массовые рынки чрезвычайных ситуаций («сухареvки»), базары эпохи легальных рыночных отношений (времен НЭПа), рынки стабильной советской эпохи. Прототипы «этнических рынков», возникшие на Дальнем Востоке в позднеимперскую эпоху («манзовские рынки») были уничтожены после Великого перелома.

Ключевые слова: базар; «этнический рынок»; колхозный рынок; «сухареvка»; барахолка; советская эпоха.

УДК/ ЭОЖ 39

Советские базары – исторический предшественник современных «этнических рынков»?¹

В.И. Дятлов

Важнейшим феноменом постсоциалистического транзита на огромном пространстве от Вьетнама до Германии стало возникновение и бурная деятельность мелкооптовых и розничных рынков под открытым небом. Они занимали огромные территории разорившихся фабрик, стадионы, пустыри. Сюда приходили иногда десятки тысяч человек покупателей в день, здесь сбывались товары на многие миллионы долларов. В условиях краха старой системы снабжения они приняли на себя основную тяжесть задачи снабжения населения, особенно низкооплачиваемых его слоев. Став конечным термином для функционирования огромной сети «челноков» они функционировали как часть глобальной трансграничной сети. Наиболее крупные из них стали логистическими центрами для сети региональных и местных рынков.

Многие из них приобрели в глазах населения ярко выраженный этнический характер. Появляются «китайские», «киргизские», «вьетнамские», «кавказские» и т.д. рынки и торговые ряды на них. Работа над их изучением (Этнические рынки в России 2015) поставила вопрос не только об их функциях, участниках, механизмах и практиках формирования и функционирования. Стало очевидно, что на эти вопросы нельзя полноценно ответить без понимания их генезиса, их возможной предыстории. Иначе говоря, необходимо выявить их исторических предшественников – или доказать отсутствие таковых.

Изначально было понятно, что «этнические рынки» - это составная и очень важная часть процесса постсоциалистических преобразований, институт новый как по контексту, исторической ситуации, так и по своему характеру, функциям, участникам, масштабам, роли в экономической и общественной жизни. С другой стороны, это все равно базары, а базары – феномен практически вечный. Были они и при социализме, являясь, в свою очередь, продолжением базаров дореволюционных.

Стали ли они прямым предшественником рынков современных? Существовала ли здесь генетическая преемственность по участникам, деловым практикам, территориальному расположению – или новая ситуация потребовала и новых людей, и новых площадок, и новых форм организации, и новой деловой культуры?

В поисках ответа надо было обратиться к исследовательской традиции, однако выяснилось, что с нею существуют большие проблемы. Конечно, имеются классические тексты Фернана Броделя (Бродель 1988) и Клиффорда Гирца (Гирц, 2004) о базарах и базарной экономике. Сложилась мощная исследовательская традиция в изучении «восточных базаров». Есть возможность опереться на современные исследования в сфере экономической социологии (Радаев, 2006; 2007).

¹Исследование выполнено в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России (проект «Дискурсивные механизмы конструирования границ в гетерогенном обществе востока России», задание № 28.9753.2017/БЧ) и гранта РФФИ (проект № 16-03-00100 «“Этнические рынки” в пространстве постсоветского сибирского города»)

Однако монографических исследовательских работ, посвященных советским базарам, практически нет. Имеются отдельные статьи, очерки (обычно в рамках исследований городской повседневности) или работы, посвященные смежным проблемам или темам. Почти нет нарратива, описания, а тем более глубокого анализа жизни базаров, их организации, места в городском сообществе.

При этом, российская история предоставляет уникальную возможность (и не одну) выявить роль базара в чрезвычайных ситуациях. Во время Гражданской войны, в частности, это произошло в условиях краха практически всей системы торговли и снабжения, полного паралича сети ярмарок, стационарной оптовой и розничной магазинной торговли. И это при полном или почти полном разрыве межрегионального обмена, крайней затрудненности коммуникаций, глубокого кризиса денежного обращения. В советских районах это дополнялось разрушительной политикой «военного коммунизма».

Люди могли надеяться только на себя, на свои личные усилия, чтобы выжить. И базар стал идеальной площадкой для реализации этих усилий. В силу простоты и даже примитивности своей организации он оказался не просто самым живучим элементом прежней сложной системы торговли и снабжения, но и, в симбиозе с мешочничеством, он принял на себя большую часть ее функций. Именно базар оказался релевантен ситуации, при которой на первый план вышла самоорганизация, личные усилия, примитивный натуральный обмен.

Символом рыночной торговли в годы гражданской войны являлась знаменитая московская «Сухаревка». На заседании исполкома Московского совета (11 мая 1919 г.) были доложены результаты проведенного накануне обследования московских рынков. Только на Сухаревском рынке торговало 3258 человек и дневной оборот его составил 25 млн. рублей. Оборот же всех московских рынков превышал 11 млрд руб. в день. Констатировалось, что это чрезвычайно заниженные оценки, т.к. «уловить оборот мелочной торговли на рынках было очень трудно» (Дихтяр, 1961: 135).

Модель базара эпохи Гражданской войны (обобщенная «сухаревка») привлекла некоторое внимание исследователей. Видимо, в силу их огромной роли в качестве механизма выживания общества, той роли, которую они играли в повседневной жизни каждого человека.

Прослеживается неразрывная связь «мешочничества» и базарной торговли, дается живописное описание «сухаревок», анализируется состав участников торговли, выделяются группы тех, кто торговал ради выживания и тех, кто добивался прибыли. На основе архивных материалов показаны многие стороны деятельности базара как хозяйствующего субъекта. Городские власти, ставшие хозяином рынков, назначали их администрацию, та, в свою очередь, за соответствующую плату выдавала торговцам документы на право торговли, выделяла торговые места, взимала сборы, пыталась следить за порядком и санитарией.

Устоявшееся враждебное официальное советское отношение к этому феномену было недвусмысленно сформулировано в капитальной работе Г.А.Дихтяра: «Свободная» торговля на рынке носила, как правило, ярко выраженный спекулятивный характер. Используя нужду и голод рабочих, обманывая государство, всячески обходя государственную монополию, спекулянты грабили трудящееся население» (Дихтяр, 1961: 135).

Нельзя сказать, однако, что тема закрыта. Базар выступает только как площадка для торговли, но не как хозяйствующий субъект, не как

самостоятельный организм с разветвленной сетью связей и отношений, с формальными и неформальными администраторами и сильными людьми.

Полностью вне сферы интересов исследователей пока остается то обстоятельство, что в условиях острого информационного голода, нестабильности существования, повседневных связей обывателя с базарами, интенсивного межрегионального и даже межгосударственного движения мешочников, базары становятся важным узлом коммуникаций. Сюда перемещается и неформальный центр общественной жизни, сюда стекаются потоки информации, здесь генерируются слухи и оценки. Отсюда они разносятся по региону.

С началом НЭПа формируется новая модель советского рынка. Она наиболее близка к дореволюционной. Базары стали частью, восстановленной в новом виде, с новыми акторами, и с новыми правилами игры, но системы, включавшей оптовую и розничную магазинную торговлю и даже ярмарки. Базары теряют то господствующее положение, которое было у них во времена Гражданской войны и «военного коммунизма». Однако сохраняют функции снабжения горожан массовыми продуктами первой необходимости, производимых, по преимуществу, в деревне. Главное же, они опираются на мощный фундамент частных крестьянских хозяйств и легальный статус частной торговли.

Базар был частью торгово-снабженческого комплекса, в который входили государственная, кооперативная и частная оптовая и розничная торговля, магазины, в том числе и комиссионные, ярмарки. Поэтому, как и до революции, базары специализируются на продаже крестьянами и посредниками массовых потребительских товаров, производимых в окрестностях города – продовольствия, особенно овощей, скота, мяса, рыбы, сена, дров, продукции местного ремесла. Несмотря на более высокие, чем в государственной и кооперативной магазинной торговле цены, базары пользовались популярностью у городских обывателей. Там не было очередей, существовал большой выбор более качественных продуктов, была возможность торга.

Этим определялся и состав участников базарной торговли – временных (крестьяне, продающие произведенную ими продукцию) и постоянных. К последним относятся многочисленные перекупщики и постоянные зарегистрированные торговцы, хозяева лавок, магазинчиков, ремесленных мастерских, предприятий обслуживающей инфраструктуры (столовые, питейные заведения, заезжие дворы и т.д.). Рядом с официальным рынком шла бурная жизнь на располагавшемся рядом «толкучем рынке».

Недолговременный период нэповской стабилизации жизни и ускоренного экономического развития сменился серией катаклизмов – «Великий перелом», война, послевоенная разруха. И здесь роль базара, его функции в обществе (при всех серьезных оговорках) были близки к «сухареvской» модели.

Спецификой уже полностью «социалистической сухаревки» был нелегальный характер торговли и то, что стало называться спекуляцией. Основной приток товаров шел теперь не только из крестьянских, ставших колхозными, хозяйств, но и из государственной торгово-распределительной сети. По словам Е.А. Осокиной, «уже к концу карточной системы барахолки, толкучки изменили свой облик, превратившись по ассортименту товаров в филиалы образцовых универмагов. Товар «утекал» из социалистической торговли на черный рынок, где его перепродажа приносила огромные доходы... Спекулятивной деятельностью занималась вся страна – кроме профессиональных «барыг», по

мелочи, но регулярно спекулировали и рядовые «социалистические труженики» (Осокина, 1999: 223).

Симбиоз с государственной торговлей остался ключевой характеристикой и той модели советского рынка, которая функционировала в стабильной фазе развития советского общества, которую часто называют застоем.

Это самая «темная эпоха» в истории советских базаров, которые, кстати говоря, под воздействием официальной лексики стали чаще всего называться рынками. Предшествующие модели базаров имеют свою, хотя и не очень значительную историографию. Их слабая изученность вызвана преимущественно субъективным фактором – тема по какой-то причине оказались не очень интересной для ученых. Однако совершенно очевидно, что если научная мода изменится, то в распоряжении исследователей будут и богатые комплексы разнообразных источников, и опыт изучения восточных базаров, и теоретические работы социологов, экономистов, социальных антропологов.

А вот относительно рынков «эпохи застоя» подобной уверенности нет. Очень сложно обстоит дело с ключевой для историков проблемой источников. Основная причина – даже не патологическое стремление советского режима на всех этапах его существования засекретить все, что возможно. Развитая бюрократическая система все равно оставила гигантский пласт документов, засекретить который навсегда просто невозможно. Однако вполне обосновано предположение, что огромное количество явлений и событий не находили отражения в официальных и подцензурных текстах.

С официальной точки зрения, отраженной, например, в монографиях Г.А.Дихтяра, «Победила и стала безраздельно господствующей советская торговля как форма товарного обмена, осуществляемая в СССР через государственную, кооперативную и колхозную торговлю без участия частных посредников» (Дихтяр, 1961: 284). Базары в этой схеме относились к колхозной торговле – собственно, ею и были (Г.А.Дихтяр иногда пишет о «колхозно-базарной торговле» как синониме «колхозной»). «Колхозно-базарная торговля» является социалистической, хотя и неорганизованной, т.к. здесь не действует государственное планирование и цены устанавливаются в процессе торга, а не определяются государством (Дихтяр 1961: 23).

В этой схеме нет места даже официально существовавшим «вещевым рынкам» («барахолкам», «толкучкам»), по определению не предназначенных для продажи колхозниками продукции приусадебных хозяйств. И уж тем более игнорируется «черный рынок», о существовании которого знали все и услугами которого почти все пользовались.

Та сторона жизни, которой не должно было быть с точки зрения официальной идеологии, не могла присутствовать и в публичном дискурсе. Следовательно, она часто не фиксировалась в бюрократическом делопроизводстве и вообще в публичных текстах.

Между тем, базары были один из ключевых терминалов «черного рынка» поздней советской эпохи, одним из мест его территориальной концентрации.

Помимо вполне официально действующих торговых площадок (колхозных и вещевых рынков) устойчиво функционировали и стихийные, незаконные. Например, книжные базары, где продавались и подержанные книги (без комиссионных, взимаемых букинистическими магазинами), но в основном туда шли новые книги прямо из государственной торговли, но по цене в несколько номиналов. Фарцовщики вели свою торговлю не только дисперсно, но и на известных всем стабильных площадках, нелегальных городских базарчиках (Романов, Ярская-Смирнова, 2007: 152-169).

Именно по каналу законных и незаконных базаров уходила к населению огромная доля товаров из государственно-кооперативной торговли, произведенных отечественной государственной промышленностью, колхозами и совхозами, полученных по импорту. Конечно, не по государственным ценам.

Со временем колхозные рынки стали ключевым элементом огромной и разветвленной системы межрегиональной торговли, по которой шел поток овощей, фруктов, цветов и т.д. из Средней Азии и с Кавказа. Это было полностью незаконное профессиональное предпринимательство, массовое и эффективно действующее.

Таким образом, базары стали хранителем запрещенного предпринимательства – как профессии, образа жизни, психологии и системы ценностей.

Беда в том, что все эти констатации являются оценочными и, за небольшими исключениями, не подтверждаются конкретным фактическим материалом, большими нарративами, результатами исторического, экономического, социально антропологического анализа.

Базар – феномен не только экономический, но и культурный, просто в силу того, что там встречаются и интенсивно взаимодействуют массы людей различных социальных статусов, религий, этнических групп. Хотя бы поэтому вопрос о роли этнического фактора в регулировании взаимоотношений на базарах, в их внутренней организации, культуре рыночной торговли является чрезвычайно важным. Поэтому так важен ответ на вопрос - имеются ли у «этнических рынков» постсоветской эпохи исторические корни и исторические предшественники?

Наиболее вероятным предшественником современных «этнических рынков» можно считать, видимо, «манзовские базары» на Дальнем Востоке. Полное господство китайских мигрантов в мелкой и средней торговле выразилось и в том, что именно они стали создавать базары, численно на них преобладать, определять их структуру, внутреннюю организацию, стилистику отношений, даже язык общения в виде специального пиджина. Городское население сразу признало все это как факт, назвав рынки манзовскими.

Городские власти предпринимали большие и постоянные усилия с тем, чтобы взять этот жизненно важный элемент городской жизни под свой контроль. В конечном счете, они стали определять, где будут располагаться базары, какие постоянные помещения и в каком порядке могут на них выстраиваться. Они сдавали с торгов право на строительство таких помещений и ведения постоянной торговли, они определяли порядок сбора и размеры налогов и сборов с торговцев, пытались контролировать санитарное состояние, назначали администрацию рынка.

Над чем власти не смогли установить контроль, так это над стихийной торговой деятельностью в прилегающих китайских кварталах – знаменитой Владивостокской «миллионке», например. Там торговля носила «серый», а то и вовсе «черный» характер.

Китайские рынки, этническая маркировка базарной деятельности вообще закончились с началом «Великого перелома».

Вновь этнический фактор стал играть заметную роль уже во времена «застоя». Это связано с формированием и эффективным функционированием развитой нелегальной или полуполюгальной системы трансрегиональной частной торговли овощами, фруктами, цветами из республик Средней Азии и Кавказа.

Жизненно важный при такой системе фактор доверия (Trust and Mistrust in the Economies 2018) заставлял формировать обслуживающую эту систему сеть из числа родственников, соседей, земляков, лично знакомых людей, в отно-

шении которых были возможны неофициальные, но действенные механизмы контроля и, при необходимости, санкций. По естественным причинам это вело к количественному преобладанию выходцев с Кавказа, представителей связанных с ним этнических групп. В российских городах появляется довольно значительный слой людей, маркируемый местным населением как «кавказцы» или – на бюрократическом языке – «лица кавказской национальности» (Дятлов, 2010: 121-149).

Можно предположить, что появление этой группы в массовом сознании было связано не столько с появлением мигрантов с Кавказа (они и до этого присутствовали и были привычны горожанам), а с социально-экономической ролью нелегальных предпринимателей. Функцией, осуждаемой как официальной идеологией, так и общественным мнением. Теперь выходцы с Кавказа стигматизировались как группа, неразрывно связанная с базарной деятельностью.

Однако, при том, что «колхозные рынки» обрели в глазах населения «кавказскую» составляющую, в качестве «этнических» они не расценивались и соответствующим образом не маркировались. Иначе говоря, с точки зрения общественного мнения, «кавказцы» на рынках были, но «кавказских» рынков и рядов на них не было.

Таким образом, можно уверенно констатировать преемственность существования базаров. Очень часто они занимали одну и ту же территорию – и базарная функция этой территории формировала структуру транспортных потоков, организацию прилегающих городских территорий.

В стабильные времена базары специализировались на мелочной торговле, сбыте ненужных предметов случайными, непрофессиональными продавцами. То, что часто называют «блошиными рынками». Однако главной их функцией было снабжение населения массовыми потребительскими товарами, производимыми обычно в городских окрестностях – овощами, мясом, рыбой, молочными изделиями, мясом, рыбой и т.д. Поэтому были как постоянные профессиональные торговцы, обычно мелкие и средние, так и непосредственные производители сельскохозяйственных товаров – крестьяне окрестных районов.

В советскую эпоху базары, в качестве важной части системы «черного рынка», были хранителями запрещенного предпринимательства – как сферы деятельности, социальной функции, системы ценностей. С крахом социализма это стало важным ресурсом формирования рыночной экономики, слоя мелкого и среднего предпринимательства.

По функциям и месту в общественной жизни наиболее близки к мелкооптовым и розничным открытым рынкам постсоветской эпохи базары времен Гражданской войны и чрезвычайных советских эпох – первых лет «великого перелома» и Великой отечественной войны. Советская власть началась и закончилась «сухаревкой».

Вопрос об этничности базаров. Не с точки зрения присутствия на них людей разных национальностей и культур, а как проблема взгляда на них городского сообщества. Начало формирования такой традиции, связанное с «манзовскими базарами» в городах Дальнего Востока пресеклась при Советской власти и формировалась уже заново после ее крушения.

И наконец, о состоянии изученности, вернее – не изученности проблемы. Тут можно вспомнить эпизод из «Королей и капуста» О'Генри Два торговца обувью приезжают в южную страну в поисках новых рынков. Один констатирует

– перспектив никаких, все ходят босые. Другой – перспективы огромные – все ходят босые.

Әдебиеттер тізімі/ Список литературы

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена / пер. с фр. Л.Е. Куббеля; ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. – 632 с.
2. Гирц К. Базарная экономика: информация и поиск в крестьянском маркетинге // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. – Т.7. – №3. – С.153–160.
3. Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. – М.: Изд-во Академические науки в СССР, 1961. – 472 с.
4. Дятлов В.И. Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов// Политика. Анализ. Хроника. Прогноз. – 2010. – №3–4(58–59). – С.121–149.
5. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927 – 1941. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999 – 271 с.
6. Радаев В.В. Захват российских территорий: новая конкурентная ситуация в розничной торговле. – М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 207 с.
7. Радаев В.В. Что такое рынок: экономико-социологический подход. Препринт Р15 WP4/2006/7. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – 45 с.
8. Романов П., Ярская-Смирнова Е. Трузера и крабы для советского потребителя: будни подпольного капитализма фарцовщиков // Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри / Под редакцией Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007. – С.152–169.
9. Этнические рынки в России: пространство торго и место встречи / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – 343 с.
10. Trust and Mistrust in the Economies of the China-Russia Borderlands / Edited by Caroline Humphrey. Amsterdam: AmsterdamUniversitypress, 2018. – 256 p.

Reference

- Brodel' 1988 – Brodel', F 1988, *Material'naya civilizaciya, ehkonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.*, T.2. Igy obmena / Transl. L.E Kubbelya; Ed. YU.N. Afanas'eva, Progress, Moscow, 632 p. (Brodel', F 1988, *Material civilization, economy and capitalism XV–XVIII centuries, Vol.2, Games of sharing* / Transl. L.E Kubbelya; Ed. YU.N. Afanas'eva, Progress, Moscow, 632 p). (in Rus).
- Dihtyar 1961 – Dihtyar, GA 1961, *Sovetskaya trgovlya v period postroeniya socializma*, Publishing house of Akademicheskie nauki v SSSR, Moscow, 472 s. (Dihtyar, GA 1961, *The Soviet trade in the period of building socialism*, Publishing house of Akademicheskie nauki v SSSR, Moscow, 472 p). (in Rus).
- Dyatlov 2010 – Dyatlov, VI 2010, *Transgranichnye migranty v sovremennoj Rossii: dinamika formirovaniya stereotipov, Politiya. Analiz. Hronika. Prognoz*, №3–4(58–59), S.121–149. (Dyatlov, VI 2010, *cross-Border migrants in modern Russia: dynamics of formation of stereotypes, Politiya. Analysis. Chronicle. Forecast*, №3–4(58–59), P.121–149). (in Rus).
- EHtnicheskie rynki v Rossii 2015 – *EHtnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi*, nach. red. V.I. Dyatlov, K.V. Grigorichev, Izd-vo IGU, Irkutsk, 343 s. (*Ethnic markets in Russia: the space of bargaining and a meeting place*, Ed. V.I. Dyatlov, K.V. Grigorichev, Publishing house of IGU, Irkutsk, 343 p). (in Rus).
- Girc 2004 – Girc, K 2004, *Bazarnaya ehkonomika: informaciya i poisk v krest'yanskom marketing, Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, T.7, №3, S.153–160. (Girc, K 2004, *Market economy: information and search in peasant marketing, Journal of sociology and social anthropology*, T.7, №3, P.153–160). (in Rus).
- Osokina 1999 – Osokina, EA 1999, *Za fasadom «stalinskogo izobiliya». Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializacii, 1927 – 1941*, «Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya» (ROSSPEHN), Moscow, 271 s. (Osokina, EA 1999, *Behind the façade of "Stalin's affluence". Distribution and market in the supply of population in the years of industrialization, 1927 – 1941*, «Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya» (ROSSPEHN), Moscow, 271 p). (in Rus).
- Radaev 2006 – Radaev, VV 2006, *CHto takoe rynek: ehkonomiko-sociologicheskij podhod*. Preprint P15 WP4/2006/7, GU VSHEH, Moscow, 45 p. (Radaev, VV 2006, *What is the market: economic and sociological approach*. Preprint P15 WP4/2006/7, GU VSHEH, Moscow, 45 p). (in Rus).

- Radaev 2007 – Radaev, VV 2007, *Zahvat rossijskih territorij: novaya konkurentnaya situacija v roznichnoj trgovle*, Izdat. dom GU VSHEH, Moscow, 207 p. (Radaev, VV 2007, *Seizure of Russian territories: new competitive situation in retail trade*, Izdat. dom GU VSHEH, Moscow, 207 p). (in Rus).
- Romanov, YArskaya-Smirnova 2007 – Romanov, P, YArskaya-Smirnova, E 2007, Truzera i kraby dlya sovetskogo potrebitelya: budni podpol'nogo kapitalizma farcovshchikov, *Professii.doc. Social'nye transformacii professionalizma: vzglyady snaruzhi, vzglyady iznutri*, Pod redakciej E.R. YArskoj-Smirnovoj, P.V. Romanova, OOO «Variant», CSPGI, Moscow, S.152-169. (Romanov, P, YArskaya-Smirnova, E 2007, Undies and crabs for the Soviet consumer: life in the underground capitalism of speculators, *Social transformations of professionalism: views from the outside, views from within*, Ed. E.R. YArskoj-Smirnovoj, P.V. Romanova, OOO «Variant», CSPGI, Moscow, P.152-169). (in Rus).
- Trust and Mistrust 2018 – *Trust and Mistrust in the Economies of the China-Russia Borderlands* 2018, Edited by Caroline Humphrey, Amsterdam University press, Amsterdam, 256 p. (*Trust and Mistrust in the Economies of the China-Russia Borderlands* 2018, Edited by Caroline Humphrey, Amsterdam University press, Amsterdam, 256 p). (in Rus).